

Волжское бурлачество.

«Музей Волгяря», изучая волжское судоходство и историю труда и быта судовых рабочих, уделяет большое внимание бурлачеству, которое представлено особым отделом. В этом отделе сгруппированы фотографии и рисунки типов бурлаков—лямочников, коневодов, сплавщиков; даны ходовые бурлацкие песни и припевы, представлены подлинные и в копиях договора найма бурлацких артелей XVII—XIX ст., статистика побегов бурлаков, бирки, бурлацкая лямка, самотканый костюм, дорожный кошель, жгут для погрузки и выгрузки кулей и ряд др. предметов, связанных с трудом и бытом волжских бурлаков. На основе имеющихся в «Музее Волгяря» материалов и составлен настоящий краткий очерк о волжском бурлачестве.

Волжское бурлачество, будучи по количеству самым многочисленным, достигало в 1840—45 г. г. 500.000 человек. Большинство их составляли великоруссы, затем шли татары, чуваша, черемисы и др. Собирались бурлаки из всех поволжских губерний, но больше всего давали Вятская, Нижегородская и Пензенская. Последняя так и прозывалась в народе «бурлацкой».

Шли на Волгу крестьяне в силу малоземелья, излишка рабочих рук и непосильных оброков. Наем артелей происходил в каждом районе Волги в определенные дни: в Пучеже, Костромской губернии ряди-

лись бурлаки в «торговый день», в селе Промзине, Ульяновской губ. считали днем найма первое воскресенье великого поста, называвшееся в народе «сборным воскресеньем». Что же касается способов найма, то они были довольно разнообразны: иногда артели бурлаков выбирали из своей среды «ходовиков», которые отправлялись зимой в торговые пункты (с. Лысково, Н. Новгород, Балаково и др.), где и заключали с судовладельцами сделки. Бывали же случаи, когда наймы бурлацких артелей происходили в селах по принуждению местных властей. Судохозяин или приказчик, желая нанять артель на судно, обращался не к крестьянству, а к сельскому старосте и старшине. Последние вызывали наиболее нуждающихся и не заплативших повинностей крестьян, предлагая им заключить артельный договор. Как крестьянин ни отговаривался, договор найма в конце концов заключался. Путинная плата будучи низкой вообще, в таких случаях доводилась до минимума, т. к. большой задаток, отдаваемый на руки старшине в уплату податей, давал возможность нанимателю снижать плату.

«Ряда» между хозяином и артелями тянулась обычно очень долго и всегда сопровождалась «могарычем» размер которого, по словам бурлаков, равнялся одной четверти водки на 20 человек. Выпивали «могарыч» лишь сильные и бывалые, слабосильные же и «первяки» от него отказывались в пользу стариков. Так было заведено исстари и передавалось из года в год, являясь как бы компенсацией от молодых членов артели сильнейшим и опытным.

Договора найма в большинстве случаев были письменные и защищали исключительно интересы нанимателей. В них артель бурлаков обязывалась «быть у хозяина во всяком послушании, в пути лазить с рычагами в воду, а в случае нарушения кем-либо условий, воровства или бегства и сверх того за выданные бурлакам задаточные деньги уплатить вдвойне».

О рабочем дне говорится в договорах так: «идти с поспешностью, не просыпая утренних и вечерних

зорь»; на коноводных машинах обязывались бурлаки «работать день и ночь безостановочно, имея одной за возне отдыха не более шести часов в сутки».

Заработок бурлака в связи с тем, что он нанимался по-путинно, т. е. вести судно от места отправления до места назначения, был очень неопределенный и зависил часто от погоды, «ходовитости» судна, глубины реки и др. неопределенных случаев. Бурлаки, когда шли в путину, всегда рассчитывали на попутный ветер. «Бурлак не пошел бы», говорят они, «если бы знал, что ему придется все время лямку тянуть».

Нередко случалось, что частые остановки, вынужденные интересами нанимателя, приводили бурлаков к тому, что они издерживали на харчи все свои деньги до окончания путины. Тогда хозяин давал им в займы, а бурлаки обязывались отрабатывать задолженность на следующий год. Несмотря на такие кабальные условия, тяга к Волге была велика, т. к. земля в то время не могла оплатить крестьянству всех его повинностей.

Ранней весной, со вскрытием рек вереницей тянулись к судам нанятые бурлаки, где прежде всего начиналось между ними строгое распределение обязанностей. Во первых, выбирался «Шишка», т. е. передовой в артели, он же запедала, двое «Косных» в хвост, на обязанности которых лежало лазить на дерево-мачту, и при тяге «ссаривать» бичеву; масленные старосты для надзора за масленками, чашками и ложками своего десятка, «Сокольный» староста, чтобы следить за отхожим местом и артельщик для закупки харчей.

На подготовку к плаванию давалось бурлакам несколько дней, в течении которых они, «оснащивали» судно, готовили паруса, шесты, бичеву... Передвигались бичевой таким образом: с судна на берег подавался канат, к которому бурлаки, захлестнув свои лямки и налегая на них всем корпусом, чтоб тяжестью тела помочь усилиям ног, шли мерным шагом, таща за собою судно.

Суда малого размера тянулись, обычно, одной партией бурлаков, суда же большого размера шли при

двух партиях, т. к. их тянули в два каната. (По закону полагалось на каждую тысячу пудов груза 4 человека).

Чтоб не кряхтеть от натуги, не дремать и не спотыкаться от усталости, они бодрили друг друга разными песнями и прибаутками. Песни давали им возможность установить равномерный шаг и общее чуть заметное облегчающее тактовое колебание.

Если случалось, что кто-либо из них сбивался с ноги, то артель заводила припев: «сено—солома! сено—солома! сено—солома!»

Нужно было иметь очень хорошее здоровье и особенно крепкую грудь, чтобы выносить такую тяжкую работу: от ступания с усилием по мягкому, рассыпающемуся песку, у б-ов на ногах растягивались жилы, от сильного налегания грудью на лямку развивалась чихотка, а от постоянного наклона головы, к ней приливала кровь, от чего портились глаза. Труд был каторжный, о чем недаром говорят бурлацкие пословицы: «кобылу в хомут, а бурлака в лямку», «надсадно бурлаку, надсадно лямке».

С появлением на Волге пароходов, бурлачество стало вытесняться, непосильный бурлацкий труд начинал постепенно заменяться более приемлемым, но все же условия труда судовых рабочих вплоть до Октябрьской Революции оставались крайне тяжелыми, о чем ярко говорит целый ряд экспонатов «Музея Волгаря». Бурлачество, как таковое, давно уже отошло в области предания, но разновидность его—грузчицкая сила, жива и по нынешний день, сопровождая свою работу все той же старой бурлацкой песней: «Эй дубинушка ухнем!»

Ф. Родин.

862524